

Дневник жены великого Мастера

«Королевушка моя...» — так прощально окрестил умирающий Михаил Афанасьевич Булгаков свою жену, чей дневник 1933—1940 годов ныне выпущен издательством «Книжная палата».

«Это был не бытовой — это был литературный дневник, и вместе с тем — просто дневник, потому что творческая жизнь Булгакова была ее жизнью», — говорится во вступительной статье Лидии Яновской. А у самой Елены Сергеевны в горькую минуту вырвалось: «Что я могу сказать? Для меня, когда он не работает, не пишет свое, жизнь теряет всякий смысл».

В те годы Борис Пастернак однажды поднял тост за Булгакова как за «незаконное» явление. Этой «беззаконной комете в кругу расчисленных светил» приходилось туго. Листаешь страницу за страницей:

«В «Правде» статья «Внешний блеск и фальшивое содержание» без подписи... В «Советском искусстве» сегодня «Мольер» назван убогой и лживой пьесой. Как жить? Как дальше работать М. А.?.. А теперь «Пушкин» (пьеса «Последние дни». — А. Т.) зарезан, и мы — у разбитого корыта... Телефон молчит, молчит... Подумать только, у М. А. написано двенадцать пьес, — и ни копейки на текущем счету. Идут только две пьесы — в одном театре... Как все повторяется. М. А. напишет пьесу — начинается шевеленье, звонки, разговоры, письма. Потом пьеса снимается — иногда с грохотом, как «Мольер», иногда тихо, как «Иван Васильевич», — и наступает полная тишина».

Одним словом, как выразился в пьесе о Пушкине соглядатай, приставленный к поэту: «...Не было фортуны ему. Как ни напишет, мимо попал, не туда...»

Писателя обложили, как волка, постоянно держа на мушке разносных статей и прямых политических обвинений («Почему вы не любите русский народ?» — вопрошали его в ЦК по поводу оперного либретто о Минине) и очень «смело» игнорируя лицемерные сталинские соблезнования: «Что это опять у Булгакова пьесу сняли? Жаль — талантливый автор».

Однажды Михаил Афанасьевич сказал, что «чувствует себя, как утонувший человек — лежит на берегу, волны перекатываются через него...» А один молодой литератор, услышав знакомую фамилию, заинтересовался, не родич ли он писателю, который «был когда-то»!

И все же «беззаконная комета» светила даже сквозь кромешные тучи. «Сегодня 600-й спектакль «Турбиных». Театр не поздравлял М. А. ...Сегодня десять лет со дня премьеры «Турбиных»... Сегодня 800-й спектакль «Турбиных»...», — год за годом записывает «королевушка» со смешанным чувством гордости и горечи.

Во время сорокалетия Художественного театра «Дни Турбиных» не включают в число юбилейных спектаклей, и, как с возмущением зафиксировано в дневнике, «ни в одной статье не упоминается ни фамилия Булгакова, ни название пьесы».

Но «утопленник» и в этих условиях снова заставил говорить о себе, создав блистательное юмористическое поздравление юбиляру от «соседа» — Большого театра, где он тогда работал: «...весь зал встал и стоя аплодировал», — с законной гордостью заносит в дневник Елена Сергеевна.

Маленькие, тихие триумфы сопровождают и каждое чтение в узком кругу друзей и знакомых романа «Мастер и Маргарита», над которым неустанно работает писатель. «Миша за ужином говорил: вот скоро сдам, пойдет в печать. Все стыдливо хихикали», — лаконично повествуется в дневнике о горькой бравате Булгакова, прекрасно сознававшего, что его детищу уготована долгая жизнь... в ящике письменного стола.

Но даже после новых тяжких ударов, уже смертельно больным (трудно смотреть на его последние фотографии, на исплеченное лицо Елены Сергеевны), Михаил Афанасьевич, «сколько хватает сил, правит роман», которому суждено увидеть свет лишь несколько десятилетий спустя.

«После всего тяжкого горя, выпавшего на мою долю, — напишет вдова писателя через двадцать лет, — я осталась цела только потому, что верю в то, что Миша будет оценен по заслугам и займет свое, принадлежащее ему по праву место в русской литературе».

И в том, что так действительно случилось, она сама сыграла огромную, не поддающуюся сколько-нибудь полной оценке роль.

Вот уж поистине — подвиг любви и верности...

А. ТУРКОВ.